

**«АКТОМ ОТРЕШЕНИЯ МЕНЯ ОТ ДОЛЖНОСТИ
И ПРЕДАНИЕМ СУДУ... НАНЕСЕНО ВСЕМУ
ДОНСКОМУ КАЗАЧЕСТВУ БЕЗУСЛОВНОЕ ОСКОРБЛЕНИЕ»**

Показания донского атамана А. М. Каледина
по делу генерала Л. Г. Корнилова

В 2003 г. в Москве был издан фундаментальный двухтомный сборник документов «Дело генерала Л. Г. Корнилова»¹, содержащий публикацию 222 различных документов по этой теме. Первый том составили материалы Чрезвычайной следственной комиссии по делу генерала Л. Г. Корнилова. Во второй том вошли показания и протоколы допросов. Это издание стало основополагающим для дальнейшего изучения истории Корниловского выступления.

В сборнике были опубликованы свыше ста показаний различных лиц, причастных к этому выступлению и к его подавлению, от генералов до прапорщиков включительно. Эти документы хранятся в фонде 1780 Государственного архива Российской Федерации («Чрезвычайная комиссия для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках»), включающем 108 единиц хранения. Однако среди документов отсутствовали показания одного из значимых игроков политической авансцены России того времени — донского атамана генерала от кавалерии Алексея Максимовича Каледина (1861–1918). Был опубликован лишь их пересказ сотрудниками следственной комиссии, скомпилированный с показаниями других лиц². Составители сборника отметили, что протокол допроса Каледина в архиве обнаружить не удалось³.

Показания А. М. Каледина в виде машинописной копии были выявлены нами в ходе работы в Бахметевском архиве Колумбийского университета (далее — ВАР). Они отложились в коллекции прокурора Р. Р. фон Раупаха среди прочих документов по делу сторонников Корнилова. Эти материалы были вывезены фон Раупахом из России в конце 1917 г. в Финляндию и впоследствии оказались в США⁴.

Политическая позиция А. М. Каледина и других казачьих представителей в канун корниловских событий нашла свое отражение в речи атамана на Московском государственном совещании 14 августа 1917 г. В своем выступлении атаман отметил, что казачество выступает за доведение войны до победного конца, чему следует подчинить жизнь страны. Были выдвинуты требования неучастия армии в политической деятельности;

упразднения всех советов и комитетов в армии и в тылу, кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных; ограничения их компетенции хозяйственными вопросами; пересмотра Декларации прав солдата и дополнение ее декларацией его обязанностей; решительных мер по укреплению дисциплины в армии; единства фронта и тыла; восстановления дисциплинарных прав начальствующих лиц; установления твердой внепартийной власти; жесткого подавления сепаратизма; введения трудовой повинности; обеспечения законности на выборах в Учредительное собрание. Эта программа была близка взглядам Корнилова. По свидетельству очевидцев, речь Каледина была одним из наиболее ярких моментов совещания⁵. Именно Калединым, по оценке такого его искушенного политического противника, как В. И. Ленин, на Московском совещании было сделано «самое существенное политическое заявление»⁶.

Во время корниловских событий Каледин совершил поездку по северным округам Донской области для ознакомления с хозяйственным положением и обсуждения с казаками предстоявших выборов в Учредительное собрание⁷. Однако власти и в целом представители левых сил заподозрили в этой поездке попытку выяснения настроений казачьих масс для борьбы с революцией и даже похода на Москву. Лидер большевиков В. И. Ленин прямо писал, что Каледин «ездил поднимать Дон»⁸. Едва ли обвинения атамана в подготовке Гражданской войны имели под собой почву, тем более что отъезд из войсковой столицы при тогдашних средствах связи, по сути, лишал атамана возможности контролировать ситуацию и руководить войском. Однако речи Каледина воспринимались его оппонентами как контрреволюционные не без оснований. Так, например, 30 августа 1917 г. на станичном сборе в Усть-Медведицкой Каледин заявил, что Войсковое правительство поддерживает партию народной свободы, а с социалистами казакам не по пути⁹. Тогда же против атамана резко выступил будущий лидер красного казачества войсковой старшина Ф. К. Миронов.

Сложность событий тех дней усугублялась личными амбициями участников. Так, командующий войсками Московского военного округа полковник А. И. Верховский, возможно, из карьерных соображений раздувал сведения о Корниловском мятеже. 30 августа он телеграфировал Каледину о переброске казачьих частей с фронта на Дон через Московский военный округ и о занятии казаками станции Поворино. Верховский отметил, что будет расценивать появление казачьих частей в пределах вверенного ему округа как объявление казачеством войны России и восстание против Временного правительства. Из бюро печати Временного правительства в прессу было вброшено ложное сообщение о присоединении Каледина к требованиям Корнилова в адрес правительства, в противном случае Каледин угрожал прервать сообщение Москвы с югом страны¹⁰.

31 августа министр-председатель Временного правительства А. Ф. Керенский объявил Каледина мятежником и отрешил его от должности. Атаман подлежал преданию суду и отправке в Могилев, в Чрезвычайную следственную комиссию. Тогда же на Дону были получены телеграммы А. И. Верховского, ставшего уже генерал-майором и военным министром, об аресте Каледина. Однако донские власти атамана не выдали. Сам Каледин по возвращении из поездки опроверг выдвинутые против него об-

винения, не стал принимать атаманские полномочия (чтобы созываемый войсковой круг был свободен в своих решениях) и 10 сентября 1917 г. был оправдан 2-м Большим войсковым кругом Войска Донского, после чего вернулся к исполнению обязанностей атамана.

Показания Чрезвычайной следственной комиссии Каледин давал непосредственно в войсковой столице Новочеркасске, для чего на Дон 12 октября 1917 г. выехали члены комиссии Р. Р. фон Раупах, Н. П. Украинцев и И. Г. Харламов как представители казачества¹¹. Впрочем, тогда атамана занимали уже другие вопросы. Н. П. Украинцев вспоминал, что Каледин принял членов комиссии лишь на следующий день, но «держался так естественно и просто, что приписать ему какую бы то ни было игру было бы большой несправедливостью в отношении его.

От приема у генерала Каледина у меня осталось чрезвычайно тяжелое, грустное воспоминание. Атаманский дворец мне показался пустым и мертвым, и в нем ходил из угла в угол почти в пустой комнате большой сутулый человек с какими-то безнадежными мыслями в голове, мешавшими ему сосредоточиться на окружающей его обстановке. Так, принял он нас без всяких церемоний, отвечал на вопросы, давал объяснения, но мне все казалось, что он на три четверти отсутствовал, вряд ли запомнил лица или фамилии хоть кого-нибудь из нас и то, как мы относимся к его показанию, для чего оно нам нужно. Было видно, что ему не напоказ, а по-настоящему было абсолютно безразлично. И еще одно впечатление я вынес от этой встречи. Хотя генерал Каледин и имел форму русского генерала и хоть и говорил о борьбе высшего командного состава за оздоровление армии как о деле ему таком же близком, как и генералу Корнилову и другим, во всех его словах мелкими штрихами, но вполне ясно, само собой, а не искусственно вырисовывалась позиция человека, идущего с генералом Корниловым и другими одной дорогой, к одной цели, но сам по себе. Сепаратизм — нет, но самостоятельность в непривычной степени, а потому резавшая внутреннее чутье... Вернулись мы в Петроград... не сделав и шагу вперед по пути выяснения поставленной нам задачи — мятежа генерала Корнилова»¹².

В своих показаниях Каледин отметил, что познакомился с генералом Л. Г. Корниловым в 1914 г., однако вплоть до Государственного совещания в Москве в августе 1917 г. с ним не встречался. На Московском совещании генералы сошлись в понимании задач, стоявших перед страной и, как показал Каледин, на неприемлемости восстановления монархии.

Каледин подробно обрисовал свои действия в августе — сентябре 1917 г., подчеркнул свою безусловную лояльность Временному правительству и подробно проанализировал выдвинутые в его адрес обвинения в подготовке мятежа. Атаман отметил, что посещал станицы, а не воинские части. Передвижение казачьих частей производилось исключительно внутри войсковой территории. Протокол свидетельствует, что обвинения в отношении Каледина, выдвинутые правительством, по сути, вели к эскалации Гражданской войны, поскольку под влиянием пропаганды неказачьи части нередко открывали огонь по казакам, считая тех контрреволюционерами. Документ является не только протоколом, но и своеобразным политическим заявлением Каледина, протестовавшего против несправедливых упреков в адрес донского казачества со стороны правительства.

В разгар событий Корнилов дважды пытался переговорить с Калединым по прямому проводу, но оба раза, по словам Корнилова, связь прерывалась. Кроме того, атаману было отправлено два письма¹³. Следует отметить, что Каледин вел интенсивную переписку с Корниловым в период ареста последнего в Быхове. Очевидно, их идейная связь в результате августовских событий существенно укрепилась. Осенью 1917 г. это, наряду с контактами Каледина и генерала М. В. Алексева, сыграло свою роль в возникновении именно на Дону базы Белого движения.

Документ публикуется по машинописной копии с карандашной правкой (BAR. R. R. Raupakh collection. Box 2) в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок. В публикуемый текст внесены сделанные на документе карандашные исправления стилистического характера.

¹ Дело генерала Л. Г. Корнилова. М., 2003. Т. 1–2.

² Там же. Т. 1. С. 137–144.

³ Там же. С. 469.

⁴ См. наши публикации документов из этой коллекции: Ганин А. В. «Всей душой не желаю моей Родине возвращения кошмарного старого...» Неизвестное письмо генерала С. Л. Маркова министру-председателю Временного правительства А. Ф. Керенскому // Родина. 2016. № 12. С. 107–109; Он же. Допрос генерал-лейтенанта Деникина // Родина. 2017. № 8. С. 14–18; «Чувствовалось, что генерал Марков что-то готовит...» Документы по делу об участниках выступления генерала Л. Г. Корнилова на Юго-Западном фронте в августе 1917 г. / публ. А. В. Ганина // Исторический архив. 2017. № 6. С. 3–34.

⁵ См., напр.: Милюков П. Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 311.

⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1969. Т. 34. С. 127.

⁷ Мельников Н. М. А. М. Каледин — герой Луцкого прорыва и донской атаман. М., 2013. С. 119; Кручинин А. С. Генерал от кавалерии А. М. Каледин // Белое движение: исторические портреты. М., 2011. С. 112.

⁸ Ленин В. И. Указ. соч. С. 220.

⁹ Медведев Р. А., Стариков С. П. Жизнь и гибель Филиппа Кузьмича Миронова. М., 1989. С. 46

¹⁰ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 399.

¹¹ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 468.

¹² Там же. С. 381–382.

¹³ Там же. С. 316–317; Т. 2. С. 206.

ПОКАЗАНИЯ ДОНСКОГО АТАМАНА А. М. КАЛЕДИНА
ПО ДЕЛУ ГЕНЕРАЛА Л. Г. КОРНИЛОВА

Я, войсковой атаман Войска Донского, генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин, 56 лет, православный, не судился, по делу показываю:

С генералом Корниловым я познакомился на театре военных действий в 1914 году. Было это 31 августа, и тогда я виделся и говорил с генералом Корниловым в течение нескольких минут. Такая же кратковременная была и вторая встреча с ним в октябре того же года. Затем до 13 августа 1917 года я генерала Корнилова не видел и встретился с ним только на Московском совещании. За этот промежуток времени мы обменивались только приветствиями после успеха 8-й армии, принятой Корниловым от меня¹, и до того по поводу выбора меня войсковым атаманом. Интересуясь армией, прежде мною командуемой, я внимательно следил за управлением ею генералом Корниловым и должен сказать, что в этом отношении я всю деятельность генерала Корнилова вполне одобрял, так как последняя целиком была направлена к поддержанию боеспособности войск. Должен сказать, что именно из-за борьбы на почве восстановления и поднятия дисциплины я и вынужден был оставить командование армией, так как генерал Брусилов² считал необходимым идти по течению, я же был уверен в том, что этот путь приведет к окончательному разложению армии. Генерал Корнилов, вступив в командование, пошел одной со мной дорогой, и потому, несмотря на малое личное знакомство, мы стремились с ним на Московском совещании как люди близкие, жившие одними и теми же идеями. В Москве я был в составе делегации от казаков, встречавшей его 13 августа утром на вокзале и в тот же день вечером беседовал с ним. Разговор этот продолжался с полчаса и касался вопросов об оставлении некоторых из частей Донского войска в области для нужд ее, снабжения запасных частей винтовками, т. е. вопросов чисто местных, и, кроме того, мы обменялись мнениями об общем политическом состоянии России, состоянии армии и содержании наших речей в предстоящих выступлениях на совещании. Инициатива этой вечерней встречи исходила от меня. Разговора о диктатуре и намерении генерала Корнилова объявить ее тогда не было; помню, что оба мы сходились на взгляде о недопустимости и невозможности возвращения старого порядка и, в частности, восстановления династии. Оба мы сходились на том, что наилучшей формой правления в России была бы республика. Еще до приезда генерала Корнилова в Москву там ходили упорные слухи о диктатуре, причем с ней связывали скорее мое имя, а не имя генерала Корнилова. Уже находясь в Москве, я получил извещение Малого круга о намерении правительства меня в Москве арестовать. Круг получил эти сведения от председателя Совета Союза казачьих войск Дутова³ и, будучи ими очень встревожен, просил меня вернуться в область. Слухи о посягательстве с моей стороны на диктатуру были для меня большим сюрпризом, так как смешно посягать на диктатуру из провинциального

¹ А. М. Каледин командовал 8-й армией с 20 марта 1916, Л. Г. Корнилов был назначен командующим этой армией 29 апреля 1917 г.

² Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта.

³ Дутов Александр Ильич (1879–1921) — войсковой старшина; председатель Совета Союза казачьих войск.

городка человеку, стоящему вне центра государственного правления и не имевшему никаких связей с политическим миром. Таким образом, тревога Временного правительства по поводу возможности моей диктатуры являлась совершенно необоснованной. На Московском совещании были депутаты всех других казачьих войск, причем всеми нами сообща была выработана одна общая программа, или декларация, которую поручено было прочитать мне. Декларация эта вполне выражала как мое мнение, так и действительные желания всего казачества. Суть ее общеизвестна, и наделала она на совещании много шума. Кроме указанной встречи, мне с генералом Корниловым на Московском совещании беседовать не пришлось, и по окончании совещания, 17 августа, я уехал в область. В начале 20[-х] чисел августа я получил от генерала Корнилова ответ на поставленный ему еще на Московском совещании вопрос по поводу состоявшегося тогда блока казаков Донской области с кадетами. На это письмо я тогда же ответил и, между прочим, просил о выводе 1-го и 4-го Донских полков из Петрограда ввиду разрушения их большевистской пропагандой. Со времени получения этого письма и до ликвидации так называемого Корниловского мятежа я от генерала Корнилова никаких сведений не получал.

24 августа я выехал в область. Поездка эта назревала уже давно, но будучи связан изучением дел управления области и не желая отрывать население от полевых работ, я откладывал эту поездку до окончания их. В конце июля в Новочеркасске состоялась конференция с представителями Совета Союза казачьих войск; затем собрался Малый круг, и 6 августа я выехал в Москву на совещание. Вернулся я оттуда 17 или 18 августа и должен был принять участие в конференции в г. Екатеринодаре, намечавшейся в ближайшем будущем. Таким образом, у меня оставался очень небольшой промежуток времени, который нужно было использовать для поездки по области. В первую очередь я считал необходимым посетить Хоперский и Усть-Медведицкий округа, пострадавшие от неурожая. Перед выездом я прочитал в газетах известие, что против генерала Корнилова ведется Советом солдатских и рабочих депутатов кампания, что меня очень тревожило, но уже по пути 24 августа я из газет узнал заявление остававшегося в то время за министра-председателя Некрасова¹, что все слухи о будто бы подготавливавшемся увольнении генерала Корнилова лишены всякого основания и что правительство вполне разделяет все основные требования генерала Корнилова и главнейшие из них имеет в виду осуществить. Интересовался я положением генерала Корнилова потому, что с именем его связывал возможность возрождения армии, поднятие ее боеспособности, а следовательно, и спасение нашей Родины. 25 августа утром через станицу Михайловскую я выехал в станицу Урюпинскую, 26 утром из Урюпинской я отправился по станицам Хоперского округа в направлении станицы Усть-Медведицкой. Ехал я по глухим станицам, не имея никакой корреспонденции и решительно никаких политических известий, и за время с 25 до 29 августа объехал по заранее выработанному маршруту целый ряд станиц. 29 августа днем я приехал в станицу Усть-Хоперскую, не доезжая которой получил телеграмму товарища войскового атамана Богаевского², извещавшую меня о смещении правительством генерала Корнилова с должности и о желательности ввиду этого моего возвращения в Новочеркасск. Телеграмма эта побудила меня сократить предполагавшуюся поездку, и я решил из Усть-Медведицкой станицы ехать не по маршруту, а отправиться на станцию

¹ Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) — министр путей сообщения и министр финансов Временного правительства, заместитель министра-председателя.

² Богаевский Митрофан Петрович (1881–1918) — товарищ войскового атамана Донского казачьего войска.

Обливскую, куда и просил телеграммой передать со станции Арчеда мой вагон. Таким образом, я выгадывал целые сутки, так как в направлении от Арчеды на Царицын ходит только один поезд, на который я опаздывал. 29 августа около 12 часов ночи я прибыл в станицу Усть-Медведицкую и получил там первую телеграмму Керенского, извещавшую об ультиматуме Корнилова и его смещении. 30 августа утром, после разговора с казаками на станичном сборе в Усть-Медведицкой, я около 11 часов утра выехал на Обливскую. Прибыл я туда около 11–12 часов ночи 30 августа и, справившись относительно моего вагона, узнал, что он еще не передан. Ввиду этого моим адъютантом была отправлена телеграмма в Царицын с просьбой оставить мне купе в царицынском поезде. Поезд этот должен был проходить через Обливскую около 5 часов утра. Утром я получил сведения, что поезд опаздывает на час, тут же мне передали окружной атаман Жданов¹ и командир запасного полка Араканцев, две сотни которого стояли в Обливской², что циркулируют какие-то неясные слухи, что меня разыскивают по всей линии и, по-видимому, собираются арестовать. Я приказал одну сотню подготовить в районе станции, а один взвод выслать на станцию. Около 6 часов я приехал на станцию и намеревался, дождавшись поезда, ехать в Новочеркасск. Нужно сказать, что взвод состоял из молодых, только что призванных казаков, ни одного боевого патрона у них не было. На станции, в ожидании поезда, я пробыл часа 1½, поезд не прибывал, и на мои по этому поводу вопросы начальник станции объяснил, что поезд задержан на станции, не доезжая Обливской, где отведенное мне купе очищают от занявшей его публики. На мой вопрос — когда же прибудет поезд и прибудет ли он, начальник станции ответил, что ничего определенного он по этому поводу сказать не может. Допуская со стороны железнодорожной администрации возможность отказа меня везти, я решил ехать через станицу Константиновскую, куда потребовал высылки за мною из Новочеркасска автомобиля. 31 августа утром я таким образом выехал на лошадях из Обливской на Константиновскую, не имея при себе никакого конвоя, т. е. тем порядком, каким я объезжал станицы и до того. Ехал я вдвоем с адъютантом моим. В Константиновскую я приехал около 11 часов утра 1 сентября. Автомобиля из Новочеркасска еще не было, и чтобы использовать время, я приказал собрать местную команду и части запасного полка, расположенные в Константиновской. На смотре этих частей окружной атаман 1-го Донского округа передал мне телеграмму военного министра генерала Верховского³ о моем аресте. Телеграмма эта была адресована «всем», и атаману 1-го Донского округа была передана атаманом 2-го округа. Редакцию этой телеграммы я не помню. По окончании мною смотра подъехал автомобиль, на котором я и выехал в Новочеркасск. И на этот раз никакой конвой меня не сопровождал. По пути, проехав станицу Богаевскую, в 20 верстах от Новочеркасска, я встретил высланные мне навстречу конные части⁴ и около пяти — шести часов дня прибыл в город. Только здесь я был ознакомлен со всеми событиями, происшедшими за мою поездку. Того же 1 сентября вечером у меня собрались все члены Войскового правительства, от которых я, с одной стороны, узнал

¹ Жданов Александр Иванович (1876–1929) — войсковой старшина, атаман 2-го Донского округа.

² Речь идет о 4-м Донском казачьем запасном полке.

³ Верховский Александр Иванович (1886–1938) — полковник, генерал-майор. Командующий войсками Московского военного округа (с 31 мая 1917). Военный министр (30 августа – 22 октября 1917) с производством в генерал-майоры.

⁴ По всей видимости, речь идет о юнкерах, высланных М. П. Богаевским навстречу Каледину (Мельников Н. Алексей Максимович Каледин. Личность и деятельность (воспоминания)) // Донская летопись: сборник материалов по новейшей истории донского казачества со времен русской революции 1917 года (Белград). 1923. № 1. С. 32).

все, что происходило в правительстве за мое отсутствие, а с другой — я передал им историю моей поездки по области и мои отношения к Корнилову, а также объяснения по поводу взведенного на меня обвинения — поднятия на Дону мятежа. После этих объяснений, дабы развязать руки Войсковому правительству в создавшемся конфликте казачества с Временным правительством, я не нашел возможным вступить в должность, которую перед выездом сдал моему товарищу и начальнику штаба по принадлежности. Такое же устранение себя я считал необходимым с целью устранить всякое подозрение в возможности моего влияния на то или иное разрешение создавшегося конфликта. Решение этого вопроса, по моему мнению, должно было исходить от Круга. В дальнейшие дни выяснилась мобилизация и сосредоточение к пределам области войск Казанского и Московского округов, несмотря на посланные начальником штаба командующему Московским округом полковнику Верховскому телеграммы, что в области никаких передвижений казачьих войск с целью мятежа не происходит, что станция Поворино казачьими частями не занималась и что штабу совершенно неизвестно о тех передвижениях казачьих войск по Московскому округу, на которые указывал полковник Верховский. Опасаясь возможности столкновения правительственных и казачьих войск, так как разъезды частей Московского округа уже появились в районе Поворино, я передал Войсковому правительству для передачи Временному правительству телеграмму, имеющуюся на страницах 72 и 73 предъявленного мне Вами тома (предъявлен том приложений к сношению начальника кабинета военного министра от 7 сентября 1917 года № 563).

3 сентября¹ был открыт Большой войсковой круг, на который я до вызова меня для дачи объяснений, т. е. до 5 сентября, не являлся, желая устранить подозрение в каком-либо на него влиянии. 5 сентября я дал Кругу объяснения, которые вместе с добытыми им ранее сведениями послужили для Круга полным основанием для установления факта отсутствия каких бы то ни было приготовлений к мятежу на Дону и к оправданию моей деятельности как войскового атамана. После моих объяснений до 8 сентября продолжалось расследование Кругом обстановки обвинения казачества в мятеже, приведшее окончательно Круг к приказу его мне вступить в должность и продолжать несение моих обязанностей². На Круге присутствовали с правом голоса делегаты Кубанского, Терского, Оренбургского, Уральского и Астраханского войск. В силу указанного постановления Войскового круга я вступил в исполнение обязанностей войскового атамана, и, так как неказачьи войска оставались бы фактически без всякого управления, то я в необходимых случаях, не считая возможным оставлять их без всякого управления, давал им указания. Актом отрешения меня от должности и преданием суду за мятеж по совершенно не проверенным донесениям частных безответственных организаций и на основании даже просто слухов и вопреки официальному донесению представителя Временного правительства в Донской области областного комиссара Воронкова было нанесено всему донскому казачеству безусловное оскорбление, воспринятое всем казачьим населением области чрезвычайно живо и глубоко. Донское казачество как в станицах, так и в строевых частях считало себя оскорбленным обвинением

¹ А. М. Каледин неточен, Круг открылся 5 сентября 1917, Каледин выступил на заседании 7 сентября.

² Доверие А. М. Каледину было выражено 2-м Большим войсковым кругом Войска Донского 10 сентября 1917. Круг отверг требование военного министра А. И. Верховского, приказавшего Каледину безотлагательно явиться в Могилев для дачи показаний Чрезвычайной следственной комиссии (Кириенко Ю. К. Крах калединщины. М., 1976. С. 16). 11 сентября А. Ф. Керенский дал указание признать объяснение Каледина удовлетворительным и выразить доверие казачеству.

в мятеже в то время, когда казачество клало все силы на защиту и Родины, и правительства. Оскорбление это имело не только моральное значение, но и реальное, так как наши строевые казачьи части до сих пор встречают от других неказачьих воинских частей обвинение в мятеже, и именем изменника клеймится тот казак, который в настоящее время является одной из главных опор нашей разваливающейся армии. Ряд делегаций, прибывающих из наших частей с фронта, свидетельствует об этом, а также о том невыносимом положении, которое они испытывают при службе с другими неказачьими частями, особенно с пехотой. Казаки жалуются, что им показываться в одиночку и небольшими партиями среди других неказачьих войск небезопасно, так как, помимо оскорбления на словах, им часто посылают и пулю. По отношению к населению станиц акт правительства, о котором идет речь, является покушением на основные права, провозглашенные донским казачеством и вполне согласованные с общими свободами, в силу которых арест и удаление выборных людей не может делаться без предварительного следствия или получения безусловных фактов виновности. По отношению к управлению краем оставление до настоящего времени в силе отрешения меня от должности вызывает крайне нежелательные трения, так как в области как по отношению к управлению войсками, так и в отношении дел гражданских, особенно же поддержания порядка в углепромышленном районе, необходимо совершенно твердое и определенное проявление правительственной власти. Не могу не указать и на оригинальное положение, при котором правительство со мной, им же отрешенным от должности, сносится официально, как бы игнорируя это отрешение. Ко мне приезжают представители правительства по делам, касающимся всей области, т. е. как к наказному атаману, вплоть до прибытия и обращения ко мне одного из министров — Прокоповича¹, а из Ставки я получаю запросы не только как войсковой атаман, но как генерал Каледин — по вопросам большого военного значения.

Непродуманные и даже легкомысленные действия правительства по отношению к целому краю оказали большое влияние на позицию Донского войска и вообще казачества по отношению к центральной власти. Казачество не может уже с полным доверием относиться к актам правительства, считая, что по отношению к нему правительство не искренно и ведет двойную политику, извлекая, с одной стороны, из казаков все, что можно для государственных целей в смысле и войск, и продовольственных средств, а с другой — оказывая недоверие целому краю и обвиняя казачество в контрреволюционности. Эти мотивы послужили толчком к стремлению казачества выработать себе самостоятельное управление в гораздо более широком масштабе, чем это предполагалось раньше.

На Ваши вопросы отвечаю:

Кроме упомянутой выше телеграммы, Вами мне предъявлявшейся, я к Временному правительству ни письменно, ни по телеграфу по вопросам, имеющим касательство к делу генерала Корнилова или находящимся в связи с ним, не обращался. Следовательно, все слухи, в том числе и помещенные в некоторых газетах о каком-то ультиматуме, предъявленном мной Временному правительству, лишены всякого основания. Главной целью моего объезда, предпринятого 24 августа, было посещение населения двух округов, а не войск, что видно из моего маршрута: из 16 станиц, в которых я был, войска расположены только около станицы Урюпинской. В станицах же Константиновской и Обливской расположены лишь

¹ Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) — политический деятель. Министр торговли и промышленности (24 июля – 1 сентября 1917), министр продовольствия (с 25 сентября 1917) Временного правительства.

запасные части, а в станице Усть-Медведицкой — местная команда. Из строевых казачьих частей я посетил только один полк 7-й дивизии, расположенный в районе станицы Урюпинской. Эта дивизия в ту пору предназначалась к отправлению на Кавказский фронт.

Никаких сведений о движении казачьих войск вне области Войска Донского у меня не имелось. Такого рода войска мне не подчиняются.

Командующему Московским военным округом я не подчинялся и не подчиняюсь, так как пользуюсь с ним совершенно одинаковыми правами.

Во время моего отсутствия из Новочеркасска было приступлено к осуществлению давно разработанной мною нормальной дислокации. Дислокация эта имела целью поддержание порядка в области. Должны были быть передвинуты один из полков 8-й дивизии в район хутора Калача и два полка 9-й дивизии в район Таганрогского и Черкасского округов для поддержания порядка в углепромышленном районе. Передвижений войск к северным границам области не намечалось и в действительности не производилось. Намеченная дислокация приводится в исполнение и по настоящее время, и необходимость ее оправдывается всеми последовавшими событиями и распоряжениями самого Временного правительства.

Никаких прокламаций и воззваний при поездке в период [с] 24 августа по 1 сентября при себе я не имел и потому распространять таковые не мог.

Содержание речей, сказанных мной на станичных сборах, мною было сообщено Войсковому кругу, и правильность их была подтверждена присутствовавшими на Круге делегатами, эти речи слышавшими в станицах. Содержание моих речей изложено в печатном отчете 2-го Большого донского круга¹, который Вам передаю. Отчет этот мною не корректирован, и поэтому может заключать в себе некоторые неточности в числах и опечатки. Больше ничего к делу я показать не могу.

¹ 2-й Большой войсковой круг Войска Донского проходил 5–14 сентября 1917.